

Возрождение искусства возрождения: Уильям Моррис 136 лет спустя

Помимо желания создавать красивые вещи, основной страстью моей жизни была и есть ненависть к современной цивилизации.

Уильям Моррис. *Как я стал социалистом*

Часто ли вы вглядываетесь в обои? О чем вы думаете в этот момент? Конечно, нынешние обои (если в вашей квартире они вообще есть) с цветочками, птичками, веточками – только грустное подобие того, что когда-то придумал великий английский художник, дизайнер и мыслитель Уильям Моррис (1834–1896), первый русский перевод ключевой лекции которого о социализме публикуется в этом номере «НЗ».

Андрей Гелианов
(р. 1987) – писатель,
исследователь культуры.

Но все же и в нынешних обоях в цветочек до сих пор в каком-то смысле живет искра его гения, хотя давно и утеряна связь с теми эстетическими и философскими побуждениями, которые сподвигли Морриса в далеком 1864 году разработать, к примеру, дизайн обоев «Trellis». Рисунок был вдохновлен розами на шпалерах в его резиденции, известной как Красный дом – и в широком смысле Красным домом вообще, утопическим жилищем, в котором, по мысли Морриса, должны были впервые за долгое время соединиться практичность, функциональность и эстетизм.

Эти три термина, нагруженные деловитым современным смыслом, не те, конечно, слова, что нужны. Вообще сложно теперь подобрать слова, которые не звучали бы казенно или не были бы скомпрометированы за прошедшие полтора века (включая «искусство», «коммунизм» и «социализм»), чтобы описать, что это вообще было – про Морриса – и почему это должно быть кому-то интересно сегодня.

Но все же попытаемся.

КРАСНЫЙ ДОМ ИМЕНИ ЭНГЕЛЬСА

Любимое детище Морриса, Красный дом, «самое красивое место на Земле» (Эдвард Бёрн-Джонс), пришлось довольно быстро

продать из-за нерентабельности и неудобства и переехать в индустриальное здание на Квин-сквер в Блумсбери – сейчас там, кажется, один из корпусов Национального госпиталя неврологии и нейрохирургии. Можно сказать, что практическая реализация идеального жилища Морриса потерпела поражение.

Еще одно поражение или то, что поначалу видится таковым: в «Википедии» на разных языках особо отмечается, что после смерти Морриса в возрасте 62 лет в некрологах о нем писали почти исключительно как про поэта – и как про дизайнера обоев.

Так он и вошел в историю как дизайнер обоев, при том, что самая глубокая и полноводная часть жизни Морриса, его основная страсть – приближение социализма на земле – была не то чтобы неизвестна при жизни публике, но ее как будто предпочли замять, замести под ковер, списать на причуды художника.

Но были ведь и другие некрологи, например, от Бернарда Шоу, целиком посвященный именно Моррису-социалисту:

«Его последним важным деянием в социалистическом движении была попытка объединить все социалистические общества в единую партию. Моррис не был инициатором этого плана, но он сделал все возможное, чтобы осуществить его; и, безусловно, был лучшим человеком для этой цели, ведь так вышло, что единственное, в чем эти [социалистические] общества были согласны, – это в глубоком уважении и почтении к его фигуре»¹.

Или вот, допустим, некролог от князя Петра Кропоткина:

«Уильям Моррис был столь выдающейся фигурой в социалистическом движении и занимал в нем настолько уникальное положение, что я боюсь, не смогу в полной мере воздать должное его памяти в тех немногих строках, которые способен написать сейчас»².

Хорош «изобретатель обоев в цветочек»! Были, безусловно, перегибы и в противоположную сторону, например, в первом в мире социалистическом государстве Морриса, наоборот, знали³ в первую очередь как слабенького, витавшего в облаках, немного подозрительного – но все же предтечу социалистической революции (при этом, наоборот, полностью игнорируя Морриса как художника – кажется, за семьдесят лет в СССР не было издано ни одного альбома его репродукций):

«В 1861–1862 гг. организовал совместно с П. Маршаллом и Ч. Фолкнером художественно-промышленную компанию (кустарные мас-

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА
ВОЗРОЖДЕНИЯ: УИЛЬЯМ
МОРРИС 136 ЛЕТ СПУСТЯ

1 SHAW G. *William Morris as a Socialist* // The Clarion. 1896. October 10. Здесь и далее, если не указано иное, перевод мой.

2 КРОПОТКИН П. *William Morris Obituary* // Freedom Journal. 1896. November. Vol. X. № 110.

3 Большая советская энциклопедия: В 30 т. М.: Советская энциклопедия, 1974. Т. 17. С. 240.

терские декоративной росписи, мебели, тканей, обоев, металлических изделий, витражей, шпалер, вышивок). Эстетические взгляды М. формировались под влиянием учения Т. Карлейля, лекций Дж. Рёскина, а также идей движения прерафаэлитов. Начиная с 1860-х гг. он выступал с романтической критикой буржуазной действительности, видя в искусстве главное средство ее преобразования и ставя своей целью эстетическое воспитание масс.

Сотрудничая с Ф.М. Брауном, Д.Г. Россетти, Э. Бёрн-Джонсом, У. Крейном и архитектором Ф. Уэббом, М. стремился противопоставить обезличенному капиталистическому машинному производству индивидуальное творчество (вместе с тем он был уверен в безграничности эстетических возможностей машинного производства при социализме), возродить вытесненные капиталистической индустрией народные ремесла и т.о. решить проблемы, стоящие перед современным декоративно-прикладным искусством. [...]

Деятельность мастерских во многом способствовала возрождению англ. декоративно-прикладного искусства; однако на практике, сводясь к новому оформлению буржуазного быта, оно входило в неизбежное противоречие с эстетической программой М. [...] Изучал труды К. Маркса, но не понял сущности его учения, оставаясь, по характеристике Ф. Энгельса, “социалистом эмоциональной окраски”».

Эта критическая (и вырванная из контекста) фраза Энгельса часто встречается в советских публикациях о Моррисе. Немного проясняет, что вообще имелось в виду, советский литературный критик, англофил (и вице-президент Международного Уэллсовского общества) Юрий Кагарлицкий в своем строгом, партийно-выдержанном предисловии⁴ к первому оттепельно-му изданию романа-утопии Морриса «Вести ниоткуда»:

«Моррис – этот, по характеристике Энгельса, “социалист чувства” – не сумел противопоставить анархистам достаточно разработанной и последовательной системы взглядов. В нескольких пунктах он сам сближался с анархо-коммунизмом, и тем труднее ему было бороться с ними по другим вопросам теории и тактики. Уже в середине 1886 года Моррис, по словам Энгельса, был целиком в руках у анархистов. Его самостоятельная роль в организации была фактически сведена на нет. К концу 1880-х Моррис отходит от активного участия в делах Лиги. Он теперь снова посвящает большую часть времени литературной работе и участию в различных обществах любителей старины. [...]

Если Моррис и чувствовал в эти годы горечь своей неудачи в роли политического деятеля – неудачи, которую предчувствовал Энгельс, назвав Морриса еще в период формирования Лиги, в числе других ее руководителей, человеком честным, но таким непрacticным, что подобных днем с огнем не сыщешь, – то с тем большей

4 Моррис У. *Вести ниоткуда, или Эпоха спокойствия*. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962 (перевод Н.И. Соколовой).

страстностью он отдается теперь созданию литературных произведений, в которых формулирует свои социалистические идеалы».

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА
ВОЗРОЖДЕНИЯ: УИЛЬЯМ
МОРРИС 136 ЛЕТ СПУСТЯ

В картине, которую рисует Кагарлицкий (прикрываясь Энгельсом), Моррис – сознательный, совестливый обыватель, который, конечно, желал всего хорошего для пролетариев всех стран и даже дошел до практического участия в социалистических кружках, но из-за изнеженности, буржуазного происхождения и мечтательности не смог вынести бремени и борьбы прямого действия, по причине чего убежал от реальности в свои «общества любителей старины» и утопическую словесность.

Все это абсолютно неверно, в том числе чисто фактологически: к концу 1880-х (а представленный далее перевод лекции «Как мы будем жить – тогда?» относится к 1889 году) Моррис никуда не отходит и не убегает, а наоборот, только разгорается, входит в раж, радикализируется «влево» все больше. Поздние исследователи Морриса указывают⁵, что его позиция на тот момент отличалась значительным радикализмом по сравнению с прославленными предшественниками и современниками – Томасом Карлейлем, Джоном Рёскиным и Робертом Оуэном.

Достаточно указать, что в качестве объекта для сочувствия в своем рассказе «Сон Джона Болла»⁶ (1888) Моррис выбирает одного из лидеров крестьянского восстания⁷ 1381 года, автора лозунга «Когда Адам пахал, а Ева пряла, кто тогда был джентльменом?», казненного за госизмену (а в то время это каралось повешением, потрошением и четвертованием; отменена эта мера была только в 1870 году, уже при жизни Морриса!) священника Джона Болла.

Моррису было недостаточно значительных изменений в сложившемся социальном порядке или создания отдельных «пузырей»-сообществ внутри социума, которые жили бы согласно иным ценностям. Он хотел – ни много ни мало – полного уничтожения индустриального капитализма, а в перспективе и государственных границ вообще, то есть уничтожения цивилизации, которая, по его мнению, с XIX века явно пошла по какому-то неверному пути.

5 См., например: SALMON N. *Reclaiming William Morris* // Worker's Liberty. 2010. June 17 (<https://workersliberty.org/story/2010/06/17/reclaiming-william-morris>).

6 На русском языке публиковалось как приложение под одной обложкой с новыми изданиями «Вестей ниоткуда».

7 Эти события дошли до довольно серьезной точки: 13 июня 1381 года повстанцы ворвались в Лондон, разрушили Савойский дворец и Судебные палаты, захватили Тауэр, убили лорд-канцлера и лорд-казначея, а также множество других чиновников. 14 июня король Ричард II (которому было только 14 лет) капитулировал и согласился отменить крепостное право. 15 июня – во время переговоров с королем о деталях отмены – лидера восстания Уота Тайлера убил кинжалом в спину лондонский мэр Уильям Уолуэрт, поставив точку в восстании. Чисто теоретически можно представить, как и делает Моррис, что восстание 1381 года могло бы стать поворотной точкой английской истории.

Кто знает, какие слова Моррис написал бы и перед кем выступил, если бы отличался здоровьем покрепче (как его друзья-долгожители Джон Рёскин и Бернارد Шоу) и дотянул до социалистической революции в России? Представьте, 85-летний Моррис выступает перед работниками искусства в Петроградской академии художеств. Не такая уж фантастическая картина, как кажется.

В постсталинском СССР к Моррису относились, мягко говоря, осторожно. Появления его текстов на русском языке были очень редки, в основном стихи в коллективных сборниках – «Антология новой английской поэзии» (1937), «Европейская поэзия XIX века» (1977), «Поэзия народов мира» (1986), – по которым решительно невозможно было понять, что это вообще за автор и зачем его нужно читать.

Вероятно, самым крупным успехом Морриса в советской печати – мертвого на тот момент уже почти восемьдесят лет – стал сборник эссе «Искусство и жизнь» (1973), из которого русскоязычный читатель впервые узнал, что этот странный поэт и «сентиментальный социалист» был еще и мыслителем, эссеистом и публицистом, причем довольно бескомпромиссным. Этот вышедший полвека назад сборник (еще и небольшим для СССР тиражом в 15 тысяч экземпляров) до сих пор остается единственным изданием Морриса-эссеиста на русском языке. Но даже тут есть подвох: как можно понять из названия, составители книги в основном сконцентрировались на его эстетических теориях (во многом представлявших собой развитие взглядов Джона Рёскина) и воздержались – за одним значимым исключением – от включения собственно социалистических выступлений Морриса.

Неужели за одиннадцать лет, прошедших с первого советского издания «Вестей ниоткуда», стрелка повернулась настолько резко, что радикальный социализм – вроде того, что вдохновлял будущих строителей СССР, – в эпоху мраморного брежневского застоя стал *неудобен*? Словом, с изданиями в стране победившего социализма его викторианскому пророку решительно не повезло.

Теперь к значимому исключению. Сборник открывается программным выступлением Морриса под названием «Как я стал социалистом»⁸:

«Прежде всего я хочу уточнить, что, по-моему, значит быть социалистом, так как мне говорят, что это слово больше не означает того, что определенно и точно означало десятилетие назад. Так вот, с моей точки зрения, социализм – это такой общественный строй, при котором не должно быть ни бедных ни богатых, ни хозяев ни

8 Моррис У. *Искусство и жизнь. Избранные статьи, лекции, речи, письма*. М., 1973, С. 53–58 (перевод Р. Усмановой).

подвластных им слуг, ни бездельников, ни неврастеников-интеллигентов, ни удрученных рабочих – одним словом, такой строй, при котором условия жизни будут равны для всех и каждый сможет плодотворно заниматься своими делами, глубоко сознавая, что ущерб для одного означает ущерб для всех; в конечном счете, социализм – это воплощение мечты о “всеобщем благосостоянии”».

Вроде бы все согласно «линии партии». По некоторым пассажирам дальше, впрочем, становится яснее, почему в стране, где в вузах преподавали «научный коммунизм» и «политэкономия социализма», с Моррисом предпочитали лишний раз не рисковать (но теперь их по крайней мере можно было напечатать):

«Я попытался серьезно вникнуть в экономическое учение социализма, даже принимался за Маркса, хотя и должен признаться, что, получив громадное удовольствие от исторической части “Капитала”, я был близок к умопомешательству [*suffered agonies of confusion of the brain*], знакомясь с экономическими концепциями этого великого труда. [...]

До возникновения современного социализма почти все мыслящие люди либо были удовлетворены, либо мнили себя удовлетворенными цивилизацией нашего столетия. Почти все они и на самом деле были удовлетворены и считали, что нужно только совершенствовать эту самую цивилизацию путем уничтожения многих смехотворных пережитков варварства. [...]

Что сказать мне о владычестве этой цивилизации над механической мощью и о бесплодной растрате этой мощи, о столь низком уровне благосостояния, о столь богатых врагах этого благосостояния, о ее громоздкой организации – как оправдать мне убожество этой жизни? Что сказать о презрении этой цивилизации к простым радостям, которым, если б не ее глупость, мог предаваться каждый? О ее слепой вульгарности, которая уничтожила искусство – это единственное надежное утешение труда? Все это я ощущал и тогда, как теперь, но не понимал причин этого. Надежда былых времен исчезла, многовековые усилия человечества не принесли иных плодов, кроме жалкой, бессмысленной и безобразной анархии. [...]

Итак, я неизбежно должен был бы стать пессимистом, если бы каким-то образом меня не осенило, что среди этой грязи начинают появляться зародыши той великой силы, которую мы зовем социальной революцией. Благодаря этому открытию я увидел мир в ином свете, и, чтобы стать социалистом, мне оставалось лишь одно – окончательно связать себя с практическим движением, что, как я сказал раньше, я и постарался сделать в меру своих сил. [...]

Нужно помнить, что цивилизация обрекла труженика на такое жалкое и худосочное существование, что он едва может представить себе жизнь⁹, лучшую, чем та, которую он вынужден теперь вести. Искусство должно нарисовать для него правдивый идеал

9 Ср. тезис Фредрика Джеймисона / Марка Фишера: «[В наше время] легче представить себе конец света, чем конец капитализма».

полнокровной и разумной жизни, жизни, в которой восприятие и создание красоты – иными словами, подлинные наслаждения и радость – будут для человека такой же потребностью, как и хлеб насущный. И ни один человек, ни одна группа людей не могут быть лишены этих радостей иначе, как путем насилия, против которого необходимо всеми силами бороться».

Индивидуализм и малопродуктивность

На русском языке эссе «Как я стал социалистом» впервые было напечатано в 1906 году, всего через десять лет после смерти автора, в подпольном петербургском (насколько можно понять) издательстве «Друг народа». Скорость распространения идей в то доинтернетное революционное время обращает на себя внимание. Почти одновременно, в 1907-м, в московском издательстве «Дилетант» выходит перевод эссе Оскара Уайльда «Душа человека при социализме» (1891, название скорее всего обыгрывает афоризм Тертуллиана «душа по природе христианка»), в котором присутствует пассаж, где автор, вероятно, полемизирует с Моррисом¹⁰ или по крайней мере стремится дополнить его видение социализма будущего:

«Истинная цель – попытаться преобразовать общество на новой основе, при которой нищета сделалась бы невозможной. Но благородные порывы альтруизма¹¹ до сих пор всерьез препятствуют осуществлению этой цели. Равно как самым вредоносным оказывается тот рабовладелец, кто мягок к своим рабам и потому мешает угнетаемым ощутить порочность системы, а тем, кто настроен критически, осознать суть порока... Безнравственно использовать частную собственность, дабы залечивать злостные язвы общества, основанного на частной собственности. Не только безнравственно, но и несправедливо. При социализме, разумеется, все будет иначе. Исчезнут нищие в вонючих лохмотьях, обитающие в вонючих хибарах и производящие на свет среди гадких, совершенно омерзительных трущоб золотушных и голодающих детей. [...]

С другой стороны: сам по себе Социализм будет ценен исключительно потому, что он приведет к Индивидуализму. Социализм,

10 Моррис и Уайльд познакомились в 1881 году, и первый оказал на второго серьезное влияние (при том, что Моррис изначально отнесся к Уайльду, мягко говоря, скептически). В 1891-м эссе Морриса «Социалистический идеал» было напечатано под одной обложкой с «Душой человека при социализме». См. также: WILLIAMS K. *Resist Everything Except Temptation: The Anarchist Philosophy of Oscar Wilde*. London: AK Press, 2020; FAULKNER P. *William Morris and Oscar Wilde* // *The Journal of William Morris Studies*. 2002. Vol. 14. № 4. P. 25–40.

11 Уайльд имеет в виду практику благотворительности – индустриальный капитализм уже тогда начал использовать ее в качестве локального «пластыря», на который всегда можно указать в ответ на критику системы в целом. В этом плане британский денди следует радикализму Морриса: нужно не кормить бедных и угнетенных горячим супом (от чего они не перестанут быть бедными и угнетенными), а объяснить им, что их жизненные проблемы – это не «закон рынка» и не «природное следствие», а итог вполне конкретной политики со стороны власть имущих, против которых нужно восстать.

Коммунизм – называйте как угодно – благодаря превращению частной собственности в общественное достояние и выдвиганию кооперации взамен конкуренции возвращает общество к нормальному виду, преобразуя во вполне здоровый организм и гарантируя материальное благополучие каждого. По сути говоря, он создает нормальную основу и нормальную среду для Жизни.

Однако для наиболее полного развития Жизни на пути к наивысшему совершенству необходимо нечто большее. И это – Индивидуализм. Если социализм станет авторитарен, если будущие Правления вооружатся экономической властью, как ныне они вооружены властью политической, словом, если нам грозит Индустриальное Самовластье – то будущее человечества страшней, чем настоящее. Сегодня в условиях частной собственности весьма многим дано право развить в себе некую очень ограниченную долю «Индивидуализма»¹².

Индивидуализм. Именно то, исчезновением чего так пугают сегодня (и пугали всегда) колеблющиеся души, неудовлетворенные *status quo*, противники социализма, в том числе моррисовского, и с ними защитники прекрасного мира капитализма, прелесть проявлений которого мы все имеем удовольствие наблюдать. Уайльд и его вдохновитель Моррис настаивают, что, нет, реальный практический социализм (а не то имперское «индустриальное самовластье», которое в итоге получилось в СССР) не будет всеобщей уравниловкой и опрощением, деградацией достигнутых цивилизационных достижений. Он будет намного сложнее¹³ и позволит каждому раскрыть свою истинную индивидуальность, подлинные желания и потребности, которые сегодня полностью невидимы и неочевидны из-за того, что их заместило мельтешащее месиво маркетинга.

Интересно, что сказали бы Уайльд и Моррис про наш мир таргетированной рекламы, написанных машинами (или измученными прекариатными копирайтерами) текстов для поисковой оптимизации, смартфонов, к которым мы вечно приклеены и в силу этого бомбардируемы ненужными новостями и бесконечной рекламой, – мир окончательного отоваривания обра-

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА
ВОЗРОЖДЕНИЯ: УИЛЬЯМ
МОРРИС 136 ЛЕТ СПУСТЯ

12 Цит. по новому (первому за 106 лет!) переводу, сделанному Оксаной Кириченко в 2013 году для проекта «АлтЛефт»; текст размещен в сети для свободного использования по принципу *copyleft*: <https://levoradikal.ru/archives/8830>.

13 Ср. пассаж в одной из последних глав готовящейся к выходу в издательстве «Ad Marginem» книги Фредрика Джеймисона «Годы теории»: «Социализм будет не проще капитализма, а напротив, намного сложнее; более того, представить себе повседневную жизнь и организацию общества, в котором люди впервые в человеческой истории полностью контролируют собственную судьбу, – задача, для сознания настолько сложная, что субъектам сегодняшнего “управляемого мира” она представляется непомерной и, как легко понять, зачастую пугающей» (JAMESON F. *The Years of Theory. Postwar French Thought to the Presents*. London; New York: Verso. P. 649). См. также нашу статью об этой книге: ГЕЛИАНОВ А. *Перекодировать горизонт: о финальной работе Фредрика Джеймисона* // Неприкосновенный запас. 2024. № 6(158). С. 35–58; и перевод одной из глав этой книги: ДЖЕЙМИСОН Ф. *Постмодернистский театр философии* // Там же. С. 3–22.

зования и искусств и, конечно, полностью неироничной уже оценки успешности контента его «кассовыми сборами». Да, наверное, все то же самое и сказали бы – Моррис уж точно, и выглядел бы даже большим неолуддитом, чем в свое время. Во всех своих ключевых текстах, включая опубликованный в этом номере, он ясен и непреклонен: без остановки технического прогресса, без отказа от его удобств и искушений, без некоторого временного ухудшения – от непривычки – качества жизни никакая революция невозможна.

Для Морриса – человека викторианской эпохи, который много работал руками, жил в реальном мире, никогда не видел ни радио, ни телевизора и застал только первые электрические фонари, – такой «уход в лес» представлялся сложной, но вполне реализуемой задачей. Сегодня, наверное, для среднестатистического человека, особенно молодого, это выглядит как что-то абсолютно немыслимое: выбросить телефон, отключить интернет, потрогать траву, сделать что-то руками, отказаться от доставки прекариатным курьером-пролетарием фабрично произведенных низкооплачиваемыми прекариатными пролетариями продуктов. Остановить АЭС, прекратить вырубать леса, начать практиковать отдельный сбор мусора, оставить, в конце концов, без работы десятки миллионов паразитов в сфере греберовских *bullshit jobs*... – нет, абсолютно невозможно.

Моррис во всех своих ключевых текстах ясен и непреклонен: без остановки технического прогресса, без отказа от его удобств и искушений, без некоторого временного ухудшения – от непривычки – качества жизни никакая революция невозможна.

Примерно в том же духе Морриса критиковали еще шестьдесят лет назад и культурные работники «индустриального самовластья». Так, основные упреки к непрактичной для большого индустриального государства утопичности социализма Морриса сформулировал тот же Кагарлицкий (не преминув уколоть того относительно его собственного опыта ведения бизнеса в викторианской Англии):

«Для Морриса вполне естественным оказывается приход к анархо-коммунистическому идеалу федерации небольших независимых общин. Свободным ремесленникам, каждый из которых в основном обеспечивает себя и своих соседей всем необходимым, не приходится, разумеется, заботиться о том, чтобы вся страна была подчинена единому экономическому руководству. Не нужны им и развитая система сообщений, и современные средства связи. Об-

мениваться научным и техническим опытом героям романа Морриса тоже, как легко догадаться, не нужно.

Моррис не намеревался отступать ни от одной из верных своих установок, которые неизмеримо подняли его книгу над уровнем буржуазных утопий, но всякий раз, когда он позволял себе пренебречь законами экономики ради своих пристрастий, он лишал свою книгу доказательности и сам себе начинал противоречить. [...] Ведь ручной труд малопроизводителен. Для того чтобы убедиться в этом, Моррису не требовалось читать труды по политэкономии или изучать статистические таблицы. Его собственное предприятие, в котором господствовал принцип ручного труда, могло оставаться рентабельным лишь при условии исключительно высоких цен на большинство изделий. И Моррис не может отделаться от мысли, что изображенное им общество будет далеко от изобилия материальных благ. Поэтому Моррису приходится так часто подчеркивать, что потребности людей в его утопии невелики.

Моррис считает целью коммунизма расцвет человеческой личности. Однако вместе с исчезновением развитых экономических связей, средств сообщения и т.п. должен исчезнуть и развитый духовный обмен между людьми. Так, собственно говоря, и случается в мире утопии Морриса. Книги здесь издаются лишь в очень небольшом количестве экземпляров. Интересы утопийцев весьма ограничены, знания их невелики».

Но если мы вчитаемся в текст ключевой для выражения взглядов Морриса лекции «Как мы будем жить – тогда?», перевод которой помещен далее, то найдем там ответ на этот вопрос – ответ, который, несомненно, не по душе строителям и обитателям исторически победившего «социализма» имперского образца. Совершенно верно: социалистическое общество Морриса «малопроизводительно» и «далеко от изобилия материальных благ» (СССР времен Кагарлицкого тоже не был товарным раем) – потому что его целью *не являются материальные блага*, под которыми зачастую понимается, не всеобщие доступные медицина и образование (как с этим дела, кстати, во многих капиталистических обществах, которые так заботятся о материальных благах?), а некий «уровень жизни среднего класса», уже сам по себе избыточный.

Цель утопии Морриса – освобождение человека от рабства корпораций, рынка и государства, от современного «прогрессивного мира» в целом, а также обеспечение этому человеку базовых потребностей и гармонизация его души и тела путем не расчеловечивающего, а вдохновляющего труда на благо себя и ближнего (а не королевской семьи, ЦК КПСС или компании «Apple»). Не нужно никакой «многопроизводительности», говорит Моррис, товаров уже слишком много, гораздо больше, чем нужно (напоминаем, что все это сказано полтора века назад!), их перепроизводство создает избыток и роскошь,

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА

ВОЗРОЖДЕНИЯ: УИЛЬЯМ

МОРРИС 136 ЛЕТ СПУСТЯ

развращает, разнеживает, создает зависимость и усиливает социальное неравенство – в то же время капитализм откровенно лжет, и гиперпроизводительность индустрии никак ощутимо не улучшает жизнь неимущих (зачем нужны 50 сортов хлеба или конфет, если пролетарий в любом случае может позволить себе один-два самых дешевых?).

«Да, я понимаю, что трудно – а для кого-то и невозможно – представить себе в полной мере те перемены, которые последуют за упразднением великой центральной силы нашего времени, – мирового рынка, каким мы его знаем, всей этой крайне изощренной и запутанной системы, выстроенной ради, вокруг и посредством охоты за прибылью.

И все же рано или поздно текущий порядок должен будет развиться во что-то иное. Это “иное” едва ли окажется усовершенствованием системы как она есть. Скорее развитие станет переходом в ее противоположность – то есть в сознательный и взаимный обмен услугами между равными. [...]

Мы видим, что еще до того, как централизация [государств] полностью завершилась, уже началось движение в обратную сторону. А раз оно началось, оно будет продолжаться, пока не достигнет необходимой степени практической децентрализации. Поняв, глядя из сегодняшнего положения вещей, что такая децентрализация необходима – чтобы дать каждому право участвовать в управлении делами, – которая, как я надеюсь, заменит управление людьми [правительством]. [...]

Что касается огромных промышленных районов, то, по-моему, и они могут исчезнуть [без серьезных последствий]. Допустим, товары и правда можно производить дешевле, если максимально сконцентрировать труд и материалы. Но, когда “меч дешевизны” больше не будет нужен как [торговое] оружие против других наций, мы, я уверен, осознаем, что дешевизна бывает слишком дорогой: ад – это слишком высокая цена. И лучше уж поработать подольше, но жить в более приятном месте»¹⁴.

На изложение этого видения можно возразить еще так: допустим конкретно в Англии удалось бы каким-то чудом сместить правительство и устроить федерацию свободных коммун тружеников под руководством некоего нового Джона Болла (можно даже представить в качестве его светской версии прожившего чуть подольше Морриса).

А дальше что? Государства же существуют не в вакууме: если на территорию бывшей Англии, ныне Разъединенного Королевства Утопии, вторгнется Франция или Германия, то как без централизованной армии и госаппарата труженики планируют себя защищать? Если никак, тогда, видимо, надо, чтобы утопический социализм каким-то образом наступил и во всех

14 Моррис У. *Как мы будем жить – тогда?* // Неприкосновенный запас. 2025. № 3(161). С. 176–179.

окружающих странах – а без помощи / агитации / финансовой поддержки уже победивших по соседству товарищей он не факт, что наступит, и мы снова приходим к теории перманентной революции и оправданию имперской экспансии СССР – и этот разговор уходит в (дурную) бесконечность.

Постараемся помнить, что перед нами все-таки утопия – утопия, в которую Уильям Моррис искренне верил и которую считал возможной даже не в самом далеком будущем, – но никаких конкретных шагов по ее достижению за пределами одного государства он так и не предложил.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА
ВОЗРОЖДЕНИЯ: УИЛЬЯМ
МОРРИС 136 ЛЕТ СПУСЯ

Вести из Голгонузы

Я намерен сейчас пойти немного дальше, чем осмелилось классическое и современное литературоведение (предыдущих исследований на эту тему обнаружить не удалось), и для прояснения предмета этой статьи напрямую связать фигуры Уильяма Морриса и английского поэта, визионера и художника Уильяма Блейка (1757–1827).

Предположу: рядом их имена впервые появились в печати¹⁵ только в 1957 году, в 20-страничной статье к двухсотлетию Блейка, которая появилась в недолго прожившем британском коммунистическом листке «The New Reasoner». Авторы, в частности, утверждали, что «видение Блейка в сочетании с теорией Маркса – единственная сила, которая может сдерживать бомбардировщики¹⁶ и превратить плоды человеческой изобретательности в источники обогащения человечества»¹⁷.

Более прямых связей между Моррисом и Блейком обычно проводить не принято, кроме признания смутной причастности взглядов обоих к первичным социалистическим настроениям, склонности к ручному труду (оба сами печатали и оформляли свои книги) и общего отвращения к убивающему душу индустриальному прогрессу, механизму и социальному неравенству¹⁸.

И правда, на первый взгляд более различных фигур не найти: затворник Блейк был мистиком, совершенно одержимым (вплоть до психиатрических состояний) религиозным преоб-

15 Некоторые намеки на общность взглядов Блейка и Морриса см. также в: THOMPSON E.P. *William Morris: Romantic to Revolutionary*. London: Lawrence & Wishart Ltd, 1955; но мысль автора не идет дальше поверхностных сравнений.

16 Апокалиптическая образность статьи, судя по всему, связана с общей международной обстановкой в 1956 году (Суэцкий кризис, подавление Венгерского восстания).

17 Цит. по: MURPHY J.P. *Art against Alienation: William Blake, William Morris, and the British New Left* // *The Journal of William Morris Studies*. 2020. Vol. 23. № 4. P. 10–29.

18 Ср. «Для всей страны равно тлетворны публичный дом и дом игорный. Крик проститутки в час ночной висит проклятием над страной» (перевод С.Я. Маршака).

ражением мира, для которого он изобрел новую мифологию с элементами христианства, гностицизма, а также рядом собственных существ, персонажей, миров и явлений. Блейковский космос – очень сложное для рационального понимания явление, которое не слишком помогают прояснить существующие научные комментарии¹⁹.

Уильям Моррис же – сторонник сугубо рационального и последовательного построения на земле социалистической утопии, который был даже не просто атеистом (как в постдарвиновской Англии было модно в определенных кругах), но, кажется, в своих публицистических текстах *вообще ни разу не упоминает религию*. Словно этого вопроса, этой фундаментальной проблемы любого общества для Морриса вообще не существует как чего-то серьезного, что не рассосется само по себе при правильном переустройстве социума. Религия в его утопии исчезает, потому что люди, ведя правильный образ жизни, *научились быть нравственными без нее* – ведь с исчезновением частной собственности, эксплуатации и власти исчезли и условия, которые требовали «высшего» оправдания социальной несправедливости.

Не будем выносить оценочных суждений о том, насколько такая модель действительно сработала бы в реальности²⁰, но отметим ее определенную мягкость по сравнению с тем, как относились к религии советские власти в разные периоды существования СССР. Догадки об отношении Морриса к религии подтверждаются некоторыми цитатами из «Вестей ниоткуда»:

«Ближе к нашим [нынешним] взглядам был дух средних веков: рай в небесах и загробная жизнь казались настолько реальными, что стали для людей как бы частью их повседневной жизни на земле, которую они любили и украшали, несмотря на аскетическую доктрину их религии, предписывавшую им презирать все земное. Но и это мировоззрение, с его несокрушимой верой в рай и ад как в две страны, в одной из которых предстоит жить, также исчезло. Теперь мы словом и делом утверждаем веру в вечную жизнь человечества и каждый день этой жизни прибавляем к малому запасу дней, подаренных нам нашим индивидуальным опытом. Следовательно, мы счастливы!

Вы удивлены? В прошлое время людям твердили, что надо любить ближнего, исповедовать религию человечества и так далее. Но, видите ли, человека утонченного и возвышенного ума, способного оценить эти идеи, отталкивали от себя индивидуумы, составлявшие ту самую массу, которой его призывали поклоняться. И он мог избавиться от отвращения к ней, только создав условную

19 См., например, вступительную статью и комментарии Гарольда Блума ко второму изданию «The Complete Poetry & Prose of William Blake» (1982).

20 См. по теме, например: Гелианов А. *Кислотный социализм, или Утопия возможности пересборки* // Неприкосновенный запас. 2024. № 4(156). С. 124–140.

абстракцию “человечества”, имевшую мало исторического и реального отношения к роду человеческому. В его глазах он делился на ослепленных тиранов, с одной стороны, и безвольных, униженных рабов – с другой.

А теперь – разве трудно принять религию преклонения перед человечеством, когда мужчины и женщины, которые составляют его, свободны, счастливы, деятельны и в большинстве случаев отличаются физической красотой?»²¹

У нас нет прямых свидетельств, что Моррис читал произведения Уильяма Блейка (а тем более его поздние эзотерические гигантские поэмы вроде «Иерусалима», 1820). Он ни разу, кажется, даже не упоминает его имени. И вместе с тем ближайшим другом и коллегой Морриса был лидер прерафаэлитов Данте Габриэль Россетти (1828–1882), который стал одним из первых поклонников и последователей визионера-затворника (а также издал в 1863-м его первую биографию, «Pictor Ignotus»). Приобретенная Россетти в 1847 году рукопись Блейка, содержащая 170 стихотворений (в том числе нигде более не появлявшихся) и более 90 рисунков, сегодня называется «Манускрипт Россетти» и является одним из важнейших столпов блейковедения. Не говоря уже о том, как идеи Блейка повлияли на самого Россетти.

Взглянем теперь на центральное для космоса Блейка явление, загадочный Голгонузу, *город искусств и ремесел* (!), который то ли уже находится в центре Вселенной и просто должен быть *проявлен*, то ли будет построен в конце времен. Вот как описываются его обитатели:

Лос видит сыновей своих, прекрасных видит дочерей,
Прозрачных и вобравших всю Вселенную в себя,
Растущую вовнутрь, в длину, и вширь, и в высоту.
Как звезды, светятся они, а в чреслах их лучатся
Ворота золотые, что раскрыты в тварный мир.
В прозрачных их сердцах ворота из рубина и других
Сияющих камней раскрыты в тварный мир.

[...]

Четырехмерны сыновья Лоса по своему строению, и четырехмерен
Великий город Голгонуза: четырехмерный по направлению к северу,
И по направлению к югу четырехмерный, и четырехмерный
к востоку и западу²².

Если соскоблить эзотерическую позолоту, мы увидим следующее: обитатели «города искусств и ремесел», «дети Лоса» (у Блейка – дух поэзии и воображения, великого кузнеца, отца

21 Моррис У. *Вести ниоткуда...* Гл. XVII (цит. по: https://royallib.com/read/morris_uilyam/vesti_niotkuda_ili_epoha_spokoystviya.html#446794).

22 Блейк У. *Иерусалим*. Л. 12–14 (цит. по: wikilivres.ru) (перевод Д. Смирнова-Садовского).

труда и так далее), абсолютно наполнены, удовлетворены и совершенны в своих занятиях, они содержат в себе весь мир, и весь мир содержится в их деяниях. Им больше ничего не нужно, потому что вовне ничего больше нет – призраков больше нет.

Но разве это не та самая утопия, о которой грезил Уильям Моррис, – с той любопытной разницей, что у Блейка труд и искусство растворяются в религии, которой становится все, а у Морриса, наоборот – религия исчезает, как ночной призрак с рассветом всеобщего труда и искусства в социалистическом будущем. Более того, Моррис в «Как мы будем жить – тогда?» вообще отказывается называть труд трудом и именует каждую из его разновидностей *искусством* (мусорщики и шахтеры, например, занимаются «неприятным искусством»).

У Морриса Голгонуза становится «материалистическим» и, вместо бога-кузнеца, его возводит коллектив свободных тружеников на вполне реальной земле. Религия становится, если можно так выразиться, трудовой метафизикой²³. Лос теперь – каждый, кто строит дом, шьет рубашу, переплетает книги или печет хлеб. Мистический акт творчества у Блейка превращается у Морриса в повседневную практику труда, и именно труд – не каторжный и подневольно-индустриальный, а свободный, радостный, ручной – становится носителем тех смыслов, на которые ранее имела эксклюзивные права обслуживающая интересы господствующего класса религия: очищение, реализация, связь общества, трансценденция за пределы себя. От самого чувства религии Моррис, таким образом, не отказывается, но ее институты естественно демонтируются после того, как устранена первопричина, по которой вообще был необходим «опиум для народа».

В обеих концепциях (чтоб не сказать видениях) происходит абсолютно аналогичное преобразование мира по новому принципу – но взгляды архитекторов этого преобразования как бы расположены с противоположных сторон одного и того же шара утопии.

ТЫСЯЧА ВИТРАЖЕЙ

Критики Морриса в XX веке (в особенности советские) явно и неявно упрекали его в буржуазности и непонимании устройства справедливого общества, логично следующего из незнания потребностей простого люда. У такого взгляда, безусловно, есть основания: в своей жизни Моррис не знал ни дня бедности, ни даже просто нужды. Его отец владел солидной долей

23 Моррис подробно разворачивает свое видение такого труда в эссе «Useful Work versus Useless Toil» (1884).

в крупнейшем тогда в мире медном руднике в Девон-Грейт-Консолс – дивидендов хватало на весьма респектабельное существование всей семьи Морриса всю его жизнь. Сам Уильям был весьма успешным бизнесменом, владельцем достаточно популярного текстильного предприятия. Ему не на что было жаловаться в жизни – более того, в случае реальной социалистической революции Моррис стал бы одним из тех, кто был бы подвергнут «тотальной конфискации излишков» и потерял бы свои привилегии. Именно это не оставляет сомнений в искренности его намерений как социалистического деятеля.

Более того, ближе к концу жизни слава Морриса как поэта росла, и в 1892 году, после смерти лорда Альфреда Теннисона, ему официально предложили высочайшую британскую награду для литераторов – звание придворного Поэта-Лауреата. Моррис отказался²⁴, как социалист не желая иметь дела с монархией и государством, и лауреатом стал его политический противник – консерватор и редактор «The National Review» Альфред Остин.

Понять поистине возрожденческий масштаб личности Морриса можно, если просто перечислить все, чем он занимался, что успел осуществить. Итак, кем же был этот «создатель красивых обоев» и «член обществ любителей старины», который мог изготовить руками буквально все – от печатной книги до художественного витража? Он был, например, яростным критиком колониализма: в ноябре 1876 года Моррис вступил в либеральную «Ассоциацию восточных вопросов» и был назначен казначеем группы. В 1881-м вышел из ее состава. В 1879-м вступил в Национальную либеральную лигу, вышел в 1881-м из-за позиции Лиги по ирландскому вопросу. В том же 1881-м он ключевая фигура в создании Радикального союза, объединения радикальных групп рабочего класса – Социал-демократической федерации, первой социалистической партии в Великобритании, и лично пишет ее манифест.

С начала 1880-х (когда, по мнению советской критики, он отходит от дел) Моррис развивает невиданную активность: читает лекции, пишет статьи, издает и распространяет брошюры; колесит, посещая собрания и митинги, по всей Британии; финансирует партийный журнал «Justice»; бьется за улучшение жилищных условий для рабочих, бесплатное обязательное образование для всех детей, сокращение рабочего дня, национализацию земли и предприятий; участвует в забастовках рабочих (например в феврале 1884 года во время хлопкового бунта); в марте 1884-го участвует в демонстрации в центре Лондона, посвященной первой годовщине смерти Маркса и тринадцатой годовщине Парижской коммуны.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА
ВОЗРОЖДЕНИЯ: УИЛЬЯМ
МОРРИС 136 ЛЕТ СПУСТЯ

24 См.: MACCARTHY F. *William Morris: A Life for Our Time*. London: Faber & Faber, 1994. P. 631–633.

Моррис посещает Ирландию, где предлагает свою поддержку националистам; Исландию, где делает то же самое (плюс изучает местную культуру и делает заметки). Он слишком активен, чтобы долго оставаться на одном месте – в 1884-м покидает им же созданную Социал-демократическую федерацию и вместе с дочерью Маркса, Элеонорой, создает Социалистическую лигу, становится редактором ее печатного органа – еженедельной газеты «Commonwealth»; – дружит с анархистами; помогает левым активистам, находящимся под судом; в качестве представителя Англии отправляется в Париж на Международный социалистический рабочий конгресс; читает лекции на похоронах известных представителей движения.

В 1890-х Моррис начинает одним из первых (если вообще не первым) использовать в прикладном смысле слово «коммунизм», заявив, что тот «является завершением социализма: когда он перестанет быть воинственным и станет победителем, это и будет коммунизм»²⁵.

Как активист, Моррис умер практически на посту: в январе 1896 года он читает свою последнюю лекцию на тему необходимости всеобщего объединения левых – «Единая социалистическая партия». Затем ему некоторое время нездоровится, в июле он едет на курорт в Норвегию, где испытывает острый кризис (с галлюцинациями и параличом), впадает в кататонию и 4 октября умирает.

Во всех официальных биографиях в качестве причины смерти почему-то фигурирует туберкулез, хотя ни один из симптомов не совпадает – заочные исторические диагнозы, конечно, штука, сомнительная, но современные исследователи склоняются²⁶ к тому, что это скорее был недиагностированный агрессивный рак. Врач Морриса, по легенде, заявил родственникам, что тот «умер просто потому, что он был Уильямом Моррисом и работал за десятерых».

Он действительно работал за десятерых: параллельно со всей политической деятельностью, которая могла бы занимать все время любого другого человека, Моррис еще умудрялся энергично функционировать как просветитель, переводчик, издатель. Между 1870-м и 1875 годами он переводит и печатает прозаические переводы исландских саг и восемнадцать каллиграфических книг нордических сказок и стихов; в 1876-м переводит и печатает «Энеиду» Вергилия; в 1887-м переводит «Одиссею» Гомера; основывает издательство «Келмскотт-пресс», которое на средневековый лад полностью вручную (начиная с изготовления бумаги!) печатало малыми тиражами очень красивые книги.

25 MORRIS W. *Communism* // Freedom Journal. 1893. May (www.marxists.org/archive/morris/works/1893/commune.htm).

26 <https://profadamroberts.medium.com/what-killed-william-morris-cf48b6666b4b>.

Моррис сам верстает все книги, рисует инициалы и миниатюры, разрабатывает новые типографские шрифты, сам печатает – а ведь все это время, особенно последнее десятилетие жизни он сочиняет и выпускает еще и бесчисленные собственные книги, стихи, прозу, занимает посты в различных обществах и гильдиях, занимается проблемой охраны и реставрации памятников архитектуры.

АНДРЕЙ ГЕЛИАНОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ИСКУССТВА
ВОЗРОЖДЕНИЯ: УИЛЬЯМ
МОРРИС 136 ЛЕТ СПУСТЯ

Мистический акт творчества у Блейка превращается у Морриса в повседневную практику труда, и именно труд – не каторжный и подневольно-индустриальный, а свободный, радостный, ручной – становится носителем тех смыслов, на которые ранее имела эксклюзивные права обслуживающая интересы господствующего класса религия.

КАК МЫ БУДЕМ ЖИТЬ – ТЕПЕРЬ?

Размах деятельности Морриса, широту его представлений о том, каким должен быть новый, лучший мир и сам человек, трудно переоценить. Моррис был фигурой масштаба «Речи о человеческом достоинстве» Пико делла Мирандолы, «Доверия к себе» Р.У. Эмерсона, «Листьев травы» Уолта Уитмена. Он хотел сделать – и успел – очень многое, а потому практически полное забвение Морриса сегодня за пределами родины (кроме как автора «обоев в цветочек») представляется совершенно несправедливым.

Надеемся, что перевод ключевой для позднего Морриса социалиста лекции «Как мы будем жить – тогда?» станет хотя бы первым шагом к переоткрытию наследия этого удивительного мыслителя и общественного деятеля. В этой лекции Моррис проявляет себя даже не столько как проповедник, сколько как тонкий аналитик уже сложившегося положения вещей. И когда он рисует картину нового общества, то на самом деле показывает по крайней мере версию того, как этот ужасный порядок (мизогиния, рабство, класс господ) сложился исторически:

«Организация жилища во всех аспектах: закупка продуктов, уборка, готовка, выпечка и прочее. Шитье – с его неизбежным сопровождением в виде вышивки и тому подобного. И снова подчеркну: если человек не способен участвовать или вообще заинтересоваться никаким из этих занятий, он болен, и если таких людей

будет много, это неизбежно повлечет за собой подчинение слабого пола – женщин – и их повторное закрепощение».

Насколько нам известно, это первая публикация лекции Морриса на русском языке. Никаких сокращений или иных изменений в текст не вносилось (кое-где для удобства добавлена разбивка на абзацы и пропущенные по смыслу слова – это все). Надеемся, что многочисленные примечания для разъяснения реалий – равно как и опубликованные выше переводы небольших фрагментов произведений Джона Рёскина и Роберта Оуэна (также звучащих на русском впервые, один – вообще, а другой – за сто с лишним лет), – помогут лучше его понять.

Многие мыслители того времени (к которым стоило бы добавить Томаса де Квинси) получили впоследствии историческую известность в первую очередь за счет своих художественных произведений и эстетических трактатов. Настало время показать, что за ними все это время стояло горячее желание действительной, практической трансформации общества к лучшему, и эта тема актуальна сегодня, как никогда. Куда завел нас за прошедшие два века технокapитализм, мы уже ощутили.